

№ 237

Пятница, 28-го октября 1911 года

# СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

# Тѣни прошлаго.

(Исторический романъ Мереховскаго: письма Тургенева; воспоминанія о Чеховѣ).

Журналиста беллетристика послѣднее время такъ бѣдна, что совсѣмъ не даетъ материала для бѣды. Единственными событіями въ ней являются возобновленіе въ „Рус. Мисси“ интереснаго историческаго романа Г. Мереховскаго. Такъ далеко отъ насъ то время, которому посвященъ Александръ II, а получаетъ онъ насъ по заочному...

Можетъ быть, и не совсѣмъ такія были въ действительности всѣ эти «лазурныя» мечтатели-сильчаки, сошедшіе головами на плахъ, закончившіе жизнь въ пустыняхъ Сибири, но и эти, допущенные Мереховскимъ, тоже живые, яркіе эпохи, люди, убавлявшіе. Чуждою уладою авторъ пользуется въ эту эпоху съ явнымъ настроеніемъ и колоритомъ. Поэтику и каждый изъ ее чертъ такъ много говоритъ сердцу, трогаетъ и интимизируетъ образъ Пестеля, этого русскаго безпопачаго Маша, характернаго представителя юности отдаленнаго тайнаго общества, прелестью очерченъ пылкой и благородный поэтъ Рылѣевъ, но не уступаютъ имъ по опредѣленности и истинности двое дѣлателей революціи—Якубовичъ, баловский. Авторъ мастерски вводитъ насъ въ ихъ среду и обстановку, въ ихъ интересы: неужъ приближаться къ нимъ, а насъ магически уноситъ въ прошлое. Когда мы читаемъ, что Пестель съ Голыцинымъ пошли по «новою» Америкеюскому бульвару, мы сами чувствуемъ себя въ другомъ—старомъ Петербургѣ. Каждая деталь той эпохи жива; даже «колокольчикъ», обранный въ переднюю Рылѣева многогласными поэтистками, врывается намъ какъ необходимость, какъ колоритъ...

Въ колоритной исторической обстановкѣ среди крупныхъ общественныхъ фигуръ, разверзается трагическая, великая глубокая значенія романа оловенной побочной дочери Императора Александра Софьи и одна тайная общества Валеріа Голыцина. Жизнь очень кружка, на краю по-

гилы и чутка, какъ ибжная аффа, она знаетъ, но углубляетъ смыслъ тѣхъ событий, которыя случаются вокругъ ей друга... Молодого революціонера тоже терзаетъ престоинный трудный выборъ между двумя симми доргоими вещами—благополучіемъ Софьи и ссудами Россіи.

Сцена, посвященная этому роману—самыя драматическія. Можеть быть, Мереховскій что-нибудь внесъ въ ту меніе сложную эпоху отъ нашей «узорчатой» психологіи, но отъ этого она какъ будто еще выиграла въ заразительности.

«Слушая, какъ съебъ сого, князь Валерій Михайловичъ Голыцинъ смотрѣлъ въ окно на вечернюю звѣзду изъ золотисто-зеленой небы и вспоминалъ глаза умирающей дѣвочки. Онъ спавшея на спящихъ Россіи—что ему дорожее? Ну, пусть революція, а являсь-таки—смерть. И почему судьба человека меніе, чѣмъ судьба общества? Что помыслъ человеку, если онъ приобщитъ весь міръ, а дувъ своей поведетъ? Или какія выкупъ дается человеку за душу свою? Перебъ смертью, перебъ вѣчною не правъ ли тотъ, кто ссказывъ: «поминая—только для черни?» И какъ неужоже то, что говорятъ эти люди, на вечернюю звѣзду изъ золотисто-зеленой небы и на глаза умирающей дѣвочки.

Непохоже, несходно. Въ послѣднее время все чаще повторяли онъ это слово: «несоизвѣстно». Три правды: первая, когда человекъ одинъ; вторая, когда двое; третья, когда трое или много людей. И эти три правды—никогда не сойдутся, какъ все вообще въ жизни не сходится. «Несоединено, несоединено до конца».

Тѣни прошлаго заслоняютъ современность, вытѣснятъ ее изъ сердца читателя. Она безвѣстна, пердъ бытъя какою-то болѣзню, можеть быть, собираетъ съ силами, а прошлое говоритъ яркими образами, наполняетъ о себѣ... Въ послѣднихъ книжкахъ журналовъ много упоминается и статей, посвященныхъ старымъ писателямъ. Почти всѣ они касаются самой важной и интимной для художника стороны—творчества, и не-

волио наталиковъ на разная ко-поставленія, сравненія. Историческая критика находитъ справедливыми «заветы», ладный Голыцины на его переписку. Она состоитъ почти презоудительнымъ интересъ къ біографіи, къ частной жизни писателя; она рекомендуетъ познавать его только изъ творчествъ, изъ его произведе-ній. Остальное—насъ не касаетъ»—говоритъ она. Но такъ ли это? Если, действительно, писательская личность является самымъ важнымъ для характеристикъ творчества, если въ ней одной ключъ отъ всѣхъ загадокъ и тайнъ, то какъ не стремиться къ тому, чтобы охватить ее всю, все о ней узнать и расценить важное отъ неважнаго? Въ частной жизни всегда расцвѣтъ штрихи, имѣющіе отношеніе къ творчеству, а «писмы» относятся къ творчеству, къ произведеніямъ.

Писма иногда являть болѣе, чѣмъ законченныя произведенія. Послѣдній отзывъ на нихъ—вопросъ, какъ? а неужъ-ли изъ инстинктовъ и инстинктивный художникъ? Неужели изъ него современныя авторы, которые торжествъ реликвию—печатать изъ романа, не имѣя ихъ цѣлкомъ даже въ головахъ, а потому не убѣдивъ своимъ кончимъ съ концами!

Въ «Вѣст. Евр.» (№ 10) помѣщенъ интереснаго письма Тургенева къ Стасюлевичу. Въ этихъ полу-дѣловыхъ писмлахъ все полно тревогами и заботами о литературѣ, о творчествѣ. Какъ извѣстно, Тургеневъ работалъ медленно, долго обдумывалъ свои произведенія, перефразировалъ и отбрасывалъ, кропотливо самъ ихъ переписывалъ, многое попутно мѣнилъ и исправлялъ. Но и послѣ того, какъ рукопись отправлялся въ редакцію, мысли писателя были съ ней. Писма его къ Стасюлевичу переполнены извиненіями за безначинныя «поправки». То онъ проситъ прибавить къ разсказу послѣднюю «хлостикъ», замѣтивъ, не нравящаяся ему вѣсто другимъ, то исправляетъ какую-нибудь негодность, по совету друзей. Друзья вообще играли, поминиому, большую роль въ его творчествѣ. Ихъ критика указывала Тургеневу на бытъя необходимыя. Напр., онъ до такой степени привыкъ въ свои рукописи превратительно читать Анненкову, что безъ этого не рѣшался ничего посылать въ редакцію. «Вы, замѣтьте, поспешите на меня, зачѣмъ я не прямо отправилъ мой разсказъ вамъ,— пишетъ онъ,—но такая уже моя слабость, что я до сихъ поръ всѣ свои вещи до беза-

ты тѣмъ показывалъ. Я вѣрую въ его вкусъ—и къ тому же изъ моего сѣмьяна въ родѣ сѣвѣрнотой прикриты». Анненкову дано было даже право «разрѣшить» рукописи, если она ему покажется слабой. П. и слушавшихъ Тургенева и къ мѣнѣямъ со стороны, къ отбрасываніямъ реликвию. «Прочтите эту вещь съ сверхъестественною строгостью...» «Я просилъ въ васъ съ совершенной откровенностью и беззащитностью сообщитъ мнѣ ваши замѣчанія и критики»...—постоянно проситъ онъ. А между Тургеневъ былъ человѣкомъ очень нервнымъ и впечатлительнымъ, даже общиннымъ. Но литературная требовательность преобладала въ немъ надъ самолюбіемъ.

Послѣя, во пропѣлъ реликвию нашего романа или поэтика, Тургеневъ ставитъ характерное условіе—не только не печатать, не читать ее до тѣхъ поръ, пока не будетъ получено отъ него окончаніе. Вотъ какъ писатель былъ въ Тургеневъ—зависимый художникъ! Неужели изъ него современныя авторы, которые торжествъ реликвию—печатать изъ романа, не имѣя ихъ цѣлкомъ даже въ головахъ, а потому не убѣдивъ своимъ кончимъ съ концами!

Безпримѣръно требовательность къ себѣ и скромность Тургенева сказались въ его упорномъ отказѣ отъ всякихъ чествованій и поблѣе пріизнаній. Писма, написанные имъ въ об-но долюбитель рос. ссслозности, по поводу его предположеннаго юбилея, очень характерно не только для Тургенева лично, но и вообще для старостаго писателя, съ его высокими прѣдставленіемъ о достоинствѣ литературы.

Объясняя ютнныя своего отказа отъ юбилея, онъ говоритъ: «убаживаніи мои на счетъ неужности юбилея для авторовъ еще живыхъ—не измѣнились; я продолжаю думать, что одному ютноту доступна настоящая оайка и правильная разсертка литературныхъ талантовъ. Оной мысли, что человека, удостоеннаго юбилея во время своей жизни, быть можеть, не получить юного юбилея отъ потомства—одной этой мысли достаточно, чтобы заранѣе отказаться отъ предлагаемой чести и отъ самой постановки вопроса».

Вотъ какъ чопорны были старіе писатели и какъ много думали о ютнотѣ—не чета намъ! Наши со-временныя жеде щепетливѣе и прѣдпочтѣтъ жить въ настоящемъ, да-

же просто симулировать жизнь. Въ промѣнахъ году въ Петербургѣ нечашъ было вѣлѣтъ въ моду (да не ношамъ) именно вечера, посвященные тому или другому изъ живущихъ писателей. Бѣда! вечеръ Соллогуба, устроенный Чехотаревской, гдѣ онъ получалъ лавровый вѣнокъ; предло-жалося вечеръ Бокка... Авторы прѣдтѣствующихъ замѣтокъ, выступающіе въ защиту литературныхъ традицій, вѣроятно, не знали замѣтнаго письма Тургенева, которое бы могло имъ послужить поддержкой.

Требовательный кропотливый литераторъ и очень чуткій корректный человекъ—вотъ какія выступаютъ Тургеневъ въ этихъ своихъ первыхъ появившихся писмлахъ.

Интересна статья г. Орловскаго, посвященная любовному явлѣнію писательской личности Тургенева, тоже даѣтъ очень цѣнный психологическій материалъ («Рус. Мисси» № 9). «О ре-волюціи и инстинктахъ Тургенева»...—эта статья, конечно, довольно занитно говать, обнаруживая своеобразную точку зрѣнія автора. У насъ привыкли вѣлѣтъ въ Тургеневъ позитивиста, далекаго отъ всякихъ реликвию, инстинктовъ, Г. Орловскій анализируетъ произведенія, ссылаясь на авторскія пріизнанія, и свѣдѣнія современниковъ впервые раскрываетъ двойственность Тургенева въ отношеніи къ этимъ вопросамъ.

Съ одной стороны, извѣстное утвержденіе: «я... реалистъ, ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно»... Съ другой—страстный интересъ къ мистикѣ и «дѣвѣ», горячіе споры о религіи съ разными друзьями, напр., съ Гершененомъ, и «мистика», часто прорывающаяся въ его произведеніяхъ, даже довольно раннихъ: «Поэма въ Полюсье», «Дюкннское гнѣздо», «Отцы и дѣти». Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ интересъ къ проблемѣ бытія замѣтно отблѣснеть общественнымъ темъ. (Авторы поспѣшествуютъ не забывать о «сверхъестественномъ» элементѣ въ «Писнѣ торжествующей любви».

«Каждъ Микитъ» и особенно «въ Собаки»). Очевидно, уверенный въ позитивизмъ Тургеневъ былъ только, какъ прѣдставитель своей рационалистической эпохи, въ тайникахъ, же души его жили иные запросы. Интересны замѣтки на этотъ счетъ въ дневникѣ Толстого: «Тургеневъ боится имени Бога, а признаетъ Его».

Вызломъ, направившагося сами собой изъ статьи г. Орловскаго, асопотно противоблѣтъ славою;

утвержденію империосистической критики, что писательская личность ссавлѣтъ разсвѣтлѣвать въ условій среды и времени. Можна ли вѣрно понять все сокровенное въ личности Тургенева, если игнорировать тѣ общественныя условия, при которыхъ онъ складывался, какъ писатель, и духовную атмосферу, которую онъ дышалъ? Неиза аскъ чужахъ вѣлѣтъ въ писательской личности то, что является въ ней оригинальнымъ, своимъ т. е. наиболее цѣннымъ для критиковъ-империосистовъ. Психологія Тургенева прѣкрасный прикѣръ этого.

Въ номыхъ «Воспоминаніяхъ», написанныхъ въ «Рус. Мисси» (№ 10), оцѣтъ появились нѣсколько Чеховъ, къ которому наша мысль обращается какъ къ старому. Наиболее интересны въ этихъ воспоминаніяхъ всякія собранія и указанія, относящіяся къ писателю.

«О начинающемъ писателѣ можно ссудить по языку. Если у автора нѣтъ «слова», онъ никогда не будетъ писателемъ. Если же есть слово, свой языкъ, онъ, какъ писатель, не безнадѣженъ»... Отъ писателя Чеховъ требуетъ очень много, для него писательство жреческое призваніе, какъ и для Тургенева. «Чтобы стать настоящимъ писателемъ, надо воинѣтъ себя исключительно этому дѣлу. Дилетантство забъ, какъ и вездѣ, не лаетъ уйти далеко. Въ этихъ искусствахъ, какъ во всякомъ нужѣтъ думать, но и труду. Надо трудиться самымъ настоящимъ образомъ. И прежде всего надо языкомъ. Надо удивляться въ рѣчь, въ слово».

— Не дайте авторскимъ поносамъ ни чему начинающему писателю. Пусть онъ все, а не только, говоритъ тѣмъ, которыхъ вы описываете. Въ разсказѣ не должно быть публицистики». Въ другомъ мѣстѣ еще болѣе цѣпныя детальныя указанія. «Все, что не имѣетъ прямого отношенія къ разсказу, надо безпошдно вырѣзать. Если вы говорите въ первой главѣ, что на стѣнѣ виситъ ружье, во второй или третьей главѣ оно должно непременно выстрѣлить. А если не будетъ стрѣлять, не должно и висѣть».

Есть въ «Воспоминаніяхъ» штрихи, относящіяся къ творчеству самого Чехова. Въ противоположность Тургеневу, онъ вертѣлся въ зѣлѣ, загля-

жалъ писатель не долженъ никому читать своихъ произведеній,—ни до, ни послѣ написанія. Но все же и у него были прѣдѣлы этой писательской скромности.

«О томъ, что самъ онъ сейчасъ пишетъ, А. П.—не любитъ говорить. Впрочемъ, такъ какъ мысли и образы, въ сферѣ которыхъ онъ работалъ, очевидно, сильно нмѣли ода-двали, онъ невольно разсуждалъ по поводу того, что писалъ въ это время. Это дѣлалось днѣмъ послѣ. Читатель его номы разсказъ и писши, что вотъ это нмѣ сходное съ этимъ слышалъ отъ него».

Въ критику собственныхъ произведеній Чеховъ, какъ большой умница, не пускался и на вопросъ о томъ, который изъ своихъ разсказовъ онъ считаетъ лучшимъ, обыкновенно отблѣтъ уклончиво: «не знаю».

Авторъ «Воспоминаній» разсказываетъ еще объ одной любимои чертѣ у Чехова—о его крайнемъ эстетизмѣ, почти чопорности въ отношеніи къ литературѣ. Все грубое, слишкомъ откровенное или циничное онъ считалъ совершенно неюпостимымъ въ своихъ произведеніяхъ. На вопросъ, по поводу одной изъ его поствѣй, действительно ли жизни крестьянъ такъ дурна, какъ у него это описано, онъ отблѣтъ, что на самомъ дѣлѣ она еще хуже, но изображать ее со аскъ реализмомъ онъ считалъ неужителымъ. «Ихъ дѣти съ росми лѣтъ начинаютъ пить водку и съ дѣтскихъ же лѣтъ начинаютъ разсвѣтничать, они заранѣе сифилисъ нѣю окуривъ, я не говорю объ этомъ въ повѣсти, поэтому что говорить объ этомъ считалъ неужителымъ».

Дѣтъ бы почитать Чехову нѣтъ модернизма дурного тона, напр., только что вышедшія томикъ разсказовъ Россландъ! У болѣе крупныхъ изъ современныхъ писателей, напр., у Арцыбашева, за антиэстетичною откровенностью все же чувствуется нѣкоторое новое содержаніе, наконецъ, по новому остроенное желаніе воплотить и до дна высказаться. У подражателей же его за этой откровенностью—никакихъ откровеній. Получается бы нѣтъ лучше у Чехова. Познатиствовать отъ него простоты, сдержанности и умѣть бы самъ собою...

Е. Колтовская.  
Петербургъ 18 октября